

TARTU ÜLIKOOLI
VENE KIRJANDUSE ÕRPETOOL
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

STUDIA RUSSICA HELSINGIENSIA
ET TARTUENSIA

VIII

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОСОФИЯ
ЛИТЕРАТУРНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

ISSN 1239-1611
ISBN 9985-56-691-2

TARTU 2002

Б. Хеллман (Хельсинки). Леонид Андреев и русская революция	225
Л. Пильд (Тарту). «Наполеон» Д. Мережковского: право на историософию	239
Р. Войтехович (Тарту). История и миф в ранней драматургии М. Цветаевой (пьесы цикла «Романтика» 1918–1919 гг.)	252
Н. Ruutu (Helsinki). History and Myth in Marina Tsvetaeva's "The House at Old Pimen"	268
Е. Kahla (Helsinki). Magic of Repetition: Number Seven in Marina Tsvetaeva's Poetics	287
С. Исакков (Тарту). Русская литература Эстонии 1920–1930-х гг. как историко-культурный феномен	306
М. Kõõnen (Helsinki). A Postcard from Florence? — J. Brodsky's «Декабрь во Флоренции»	322
Summaries	338

«Я ДЕВУ В СОЛНЦЕ ЗРЮ СТОЯЩУ...»
(апокалиптический сюжет и формы
исторической рефлексии: 1695–1742 гг.)

ЕЛЕНА ПОГОСЯН, МАРИЯ СМОРЖЕВСКИХ

Изображение Богоматери в виде апокалиптической Жены хорошо известно в иконографии Украины: именно так было принято изображать Софию Премудрость Божию «киевской редакции» [Филимонов, 7–8; Рулюріук]¹. Эта иконография опирается на сюжет 12-й главы Апокалипсиса: Иоанн Богослов видит в небе Жену, облеченную в солнце, в венце из 12-ти звезд, которая стоит на месяце. Затем появляется «змей велик чермен» («нарицаемый дьявол и сатана»), он хочет пожрать младенца, которого рождает Жена. Но младенец «восхищен» к престолу Всевышнего, а на бой со змеем выходит архангел Михаил, который и свергает змея на землю. Змей, однако, продолжает преследовать Жену; для спасения Жене даны были крылья орла, а когда змей испустил поток, чтобы потопить Жену, земля отверзла «уста своя» и поглотила поток. В соответствии с толкованием на Апокалипсис Андрея Кесарийского, Иоанну Богослову в этом видении предстала Богоматерь, которая являет земную церковь [Толкование, 42]².

Уже начиная с 1680-х гг. этот тип изображения в составе панегириков, написанных украинскими авторами и обращенных московским правителям, получает прямое политическое значение. Этому, на первом этапе, способствовали открывшиеся военные действия против Оттоманской Порты («неверных», которые «ратовали» церковь), а несколько позднее — попытки сторонников Софьи Алексеевны построить систему аргументов в пользу коронования и самостоятельного правления царевны. Приведем несколько примеров.

В 1680 г. Лазарь Баранович, возглавлявший Черниговскую и Новгород-Северскую епархии, посвятил свое богословское

сочинение «О пяти ранах Иисуса Христа» (Чернигов, 1680) царю Федору Алексеевичу [Каратаев, № 880; Богданов, 230]³. К этому изданию было приложено несколько иллюстраций, на одной из них гравер изобразил Богородицу в рост на груди двуглавого орла. Чуть ниже справа были расположены царь Федор, царица Агафья и патриарх Иоаким. Слева под Богородицей помещена картина победы под Чигириным (1678 г.): всадник⁴ гонит мечем врагов и, одновременно, пронзает копьем многоголового апокалиптического змея [Ровинский, № 173]. Война России с Турцией представлена, как мы видим, сюжетом 12-й главы Апокалипсиса: для спасения от турецкого змея церкви-Богородицы даны крылья российского орла.

В 1683 г. Иван Щирский гравировал авантитул для нового, теперь уже прямо панегирического сочинения Барановича «Благодать и истина» [Степовик 1988, 55]. Баранович изобразил правление двух царей как союз Благодати (ее воплощает святой патрон царя Ивана Иоанн Креститель) и Истины (представленной апостолом Петром — патроном царя Петра) в союзе с Премудростью (царевной Софьей). На авантитуле Щирский поместил фигуру Иисуса Христа, который благословляет царей Иоанна и Петра. Над ними распростерла свои крылья София Премудрость Божия «в виде апокалиптической Жены, с распущенными волосами и с крыльями орла» [Ровинский, 1939]⁵. В нижней части гравюры христианское воинство избивает «адские силы»: слева всадник поражает мечем «аспида и василиска» (крылатого трехглавого змея), справа такой же всадник топчет копытами «льва и змия», от всадников во все стороны бегут турецкие воины в чалмах (рис. 1).

Наконец, в марте 1689 г. Софье была поднесена панегирическая гравюра работы Леонтия Тарасевича. Гравюра не сохранилась, но сведения о ее поднесении и ее краткое описание находится в «расспросных речах» Сильвестра Медведева, подьячего Семена Недеина и полковника Ивана Перекрестова⁶. Гравюра была посвящена второму Крымскому походу (1686 г.). Приведем описание этой гравюры, данное В. Бороным, в руках которого, наряду с описанием из расспросных речей, была подпись к гравюре:

Вверху Бог Отец и Святой Дух в виде голубином, от коего исходят семь лучей, достигающих до главы Богородицы, означающих семь даров духа Святого: Премудрость, Разум, Совет, Крепость, Ведение, Благодетельство, Страх Божий или же: Веру, Надежду, Любовь, Чистоту, Смирение, Благодать и Славу Божию. По сторонам Господа Саваофа — Святые, соименитые царям Петру и Иоанну: Св. Апост. Петр с ключами в руке и святой Иоанн Предтеча, а ниже — София Премудрость Божия: Богородица с воздетыми вверх руками (Оранта) и с младенцем Христом в «орле». Следует сказать, что Богородица представлена по отношению Ее к воплощению Сына Божия и основанию Им на земле церкви Своей. По сторонам «орла» святые: преп. Антоний и преп. Феодосий и еще другие святые. Внизу же были помещены «признавая к ратному строю» — князь В. В. Голицын, верхом на лошади, в характере Георгия Победоносца, побеждающего крылатого змея и льва великого, сиречь турок и татар; с другой же стороны и также на конях <...> Петр и Иоанн, в характере Св. мучеников Бориса и Глеба» [Борин, 6].

После отстранения Софьи от правления, оттиски этой гравюры по приказанию Петра I отбирались, не сохранилось ни одного экземпляра [Богданов, 240]⁷.

Первый интенсивный период идеологического строительства при Петре I приходится на время Азовских походов⁸. Летом 1695 г. русские войска осадили турецкую крепость Азов. В самом начале кампании, летом 1695 г. Петр I писал Андрею Виниюсу в Москву: «Несумненно веруем, яко сыны адские не одолеют нас» [ПБПВ I, № 45]. Во втором Азовском походе (1696 г.) Петра сопровождало знамя, на котором тема адских сил, в борьбу с которыми вступил царь, получает осмысление непосредственно в контексте Апокалипсиса. Знамя («знамя гербовое <...> морского регимента») было украшено изображением Спасителя в золотой ризе и царском венце, верхом на белом коне. Из уст Спасителя исходит меч, рядом помещена надпись из Апокалипсиса (1, 16): «Из уст его меч обоюду остр изострен исходяй». Здесь же были изображены апостолы Петр и Павел, которые держат камень, а над ними — отверстые небеса и голубь [Старинные знамена, 35].

Эпизоды Апокалипсиса, в которых небесное воинство побеждает адские силы, широко представлены на царских знаменах XVI–XVII вв. В описях такие знамена могут числиться под названием «знамя <...> Видение св. Иоанна Богослова». Небесное воинство выступает здесь под предводительством Спасителя или архангела Михаила [Старинные знамена, 26 и след.]. Прототипом для этих знамен был «Великий стяг» Ивана Грозного (1560 г.), который, в свою очередь, воспроизводит композицию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство небесного царя»). Эта икона, «навеванная песнопениями и образами Апокалипсиса», была написана в 1550-е гг. в Макарьевской мастерской и посвящена взятию Казани в 1552 г. (хранилась в Успенском соборе Кремля у царского места) [Антонова, Мнева, 128–131]. Сюжет об апокалиптической Жене, однако, ни на иконе, ни на знаменах представлен не был. Он не являлся актуальным и во время Азовских походов, по крайней мере, до взятия крепости.

Летом 1696 г. Азов был взят, а 18 августа 1700 г. Петр пышно отпраздновал в Москве заключение мира с Портой. Азовскому взятию и заключению мира была посвящена икона «Азовская Богоматерь». Икона сохранилась в собрании ГИМ, В. Г. Брюсова относит ее создателя к Московской школе и датирует икону самым началом XVIII в. [Брюсова, 181, цв. илл. 39] (рис. 2). На то, что икона была посвящена именно заключению мира, указывают как надписи на самой иконе⁹, так и вирши, помещенные под ней¹⁰.

В центре иконы изображена Богоматерь с младенцем, парящая над землей. За ней помещен двуглавый орел, причем крылья его расположены таким образом, что фигура Богоматери кажется крылатой. Чуть выше находится надпись, которая воспроизводит слова из «Апокалипсиса» (12, 14): «И дана быша жене два крыла орла великаго». Над головой Богоматери — солнце. В нижней части иконы, слева, помещен всадник в латах, убивающий копьем змея. Рядом со змеем изображен лев. Змей представляет на иконе Турцию, лев — Швецию, войну которой Петр объявил на следующий день по заключении мира с Портой. Как указано в виршах к иконе, «дадеся

Девую и ея Сыном над змием победу прекрасну, / Внегда даст тако и надо львом победу равну».

Справа в нижнем ряду изображен Петр I верхом, за ним — царевич Алексей, оба в царских коронах. Руки Петра подняты вверх, и перун (громовая стрела) проходит через правую руку царя (царь, фактически, «низводит» небесный огонь на врагов¹¹).

В самом низу, под ногами всадников, живописец расположил две крепости, разделенные рекой. Слева — Азов, справа — Кизикермен. Над рисунками крепостей помещены две надписи. Левая (со стороны Азова) восходит к стиху из Апокалипсиса (14, 8): «Паде, паде град великий Вавилон». Надпись справа (над Кизикерменом) взята из Евангелия (Мтф., 11, 23): «И ты, Капернауме, иже до небес вознесыйся, до ада снидешися».

Река на иконе, как можно полагать, представляет не только реальный ландшафт, в котором расположен Азов, но и поток, который испустил змей, догоняя Жену. Такой же двойственностью обладает и остров, изображенный между двумя крепостями: это не только географическая реальность, но и камень, брошенный ангелом в море и ставший знаменем гибели Вавилона («И взят един ангел крепок камень велик яко жернов и вверже в море, глаголя: тако стремлением ввержен будет Вавилон град великий» — Отк. 18, 21). То есть камень-Петр представлен здесь орудием Промысла в разрушении Азова-Вавилона. Аналогичную семантику имеет и камень на знамени морского регимента, описанном выше.

Попытки сторонников царевны Софьи Алексеевны использовать икону Софии Премудрости Божией для доказательства права царевны на самодержавное управление государством отнюдь не дискредитировали сам сюжет в глазах Петра I: для молодого царя он значил, как можно полагать, много больше, чем один из аргументов в полемике о власти. «Посвященные правительнице произведения <...> связанные с представлениями о Софии-Премудрости Божией <...>, — указывает А. П. Богданов, — оказали известное влияние на общественное сознание. По крайней мере аналогия Российского царства с образом Софии-Премудрости Божией сделалась <...> яв-

ной» [Богданов 2001, 242]. Вопрос о том, какое значение такая аналогия имела для Петра I в первые годы его самостоятельного правления, требует самостоятельного исследования, для нашего исследования важно, что она вела к использованию образов Апокалипсиса.

В декабре 1702 г. в типографии Киево-Печерской лавры был издан Патерик с посвящением Петру I. Фронтиспис к изданию 1702 г. (рис. 3) был гравирован Леонтием Тарасевичем, автором композиции, послужившей прототипом для «Азовской Богоматери». Тарасевич довольно точно воспроизводит московскую «Азовскую Богоматерь» (то есть свою же композицию 1689 г., но уже подправленную и отнесенную ко взятию Азова). Однако вместо крылатой фигуры Богоматери в полный рост, парящей над землей, Тарасевич использовал традиционное для фронтисписов Печерского патерика изображение двуглавого орла с иконой Знамени Пресвятыя Богородицы на груди [Кондаков, 103 и след.].

Некоторые детали московской иконы были или непонятны Тарасевичу, или не казались к 1702 г. важными. Так, перун здесь более не проходит через руку Петра, то есть сюжет низведения царем небесного огня и аналогия с Моисеем утрачены. В результате жест Петра выражает, как можно полагать, изумление и радость. Далее, все перуны (а орел у Тарасевича выпускает перуны из обеих лап) направлены на льва: в новой ситуации, когда врагом России стала Швеция, именно лев становится центральным символом, представляющим врага. Всадник со змеем, напротив, оттеснены в левый угол композиции. Наконец, река с островом, разделявшая две крепости на иконе, замещена на гравюре Тарасевича небольшой пейзажной композицией с проплывающей над ней тучей, она более не связана с изображением Азова и Кизикермена (обе крепости включены в композицию как изображенные на отдельных листах с неровными краями, это — прошлые победы). В некоторых случаях мы находим у Тарасевича изменения, отражающие требования локального характера. Так, змея убивает уже не юный безусый и безбородый всадник, а усатый казак средних лет, такие же усатые казаки помещены теперь за спиной

Петра (вполне вероятно, что здесь Тарасевич изобразил вполне конкретных людей, и среди них, в таком случае, должен был быть и гетман Мазепа).

Тарасевич, как мы видим, предпринял попытку приспособить образы Апокалипсиса, знаменовавшие для Петра взятие Азова, к новой политической ситуации. Главный смысл композиции представлен теперь сюжетом, которому отведена центральная вертикаль: российский орел поражает перуном шведского льва.

В самом начале 1700-х гг. апокалиптический сюжет как сюжет победы в войне со Швецией использовали и авторы панегирических пьес Московской академии. Здесь, как и в случае с гравюрой Тарасевича, мы встречаем попытки приспособить «азовский» сюжет к новой ситуации. Так, пьеса «Страшное изображение второго пришествия Господня» была представлена в феврале 1702 г. и посвящена первым победам в войне («находкам» осени 1701 г. и главной из них — при Эрестфере). Пьеса, как явствует из заглавия, построена вокруг апокалиптического сюжета. Соответственно, здесь представлены «лютейший зверь, имея на главе рогов десять», дьявол, архангел Михаил и «Премудрость божия на дузе с крестом». Действие пьесы сопровождается «видением измены солнца и луны возвещающу близ второе пришествие», за которым «звезды с небес низпадают» [Пьесы школьных театров, 88 и след.].

Наконец, образы и темы Апокалипсиса широко использовал в своих проповедях Стефан Яворский. Среди них находим две недатированные, но, видимо, ранние проповеди на одну и ту же тему «Знамение велие явила на небеси, жена оболчена в Солнце»; проповедь, произнесенная в Москве в 1706 г., «Видях Сатану, яко молнию с небеси спадоша» и др.

Однако, ни Тарасевич, ни составитель «Страшного изображения второго пришествия», ни Стефан Яворский не угадали настроений царя. Их построения оказались за пределами тех тем и сюжетов, которые были использованы Петром в процессе идеологического строительства первых лет Северной войны (1702–1708 гг.).

Новую актуальность в рамках петровской официальной идеологии апокалиптический сюжет приобретает с перенесением военных действий на Украину и переходом Мазепы на сторону Карла XII. В манифестах конца 1708–1709 гг. Петр намеренно сближает «еретика» (протестанта) Карла и «богоотступника» (тайного католика) Мазепу в их желании уничтожить православие на Украине [ПБПВ VII, № 2786, 2787 и др.].

Одним из самых ярких сочинений этого периода стала «Служба благодарственная <...> о великой Богом дарованной победе <...> под Полтавою» [Служба 1709]. Она была составлена сразу после победы ректором Московской академии Феофилактом Лопатинским и вскоре напечатана (точную дату публикации мы не знаем, на титульном листе место и год издания не означены). Известно, что Петру служба понравилась: по указу царя жалование ректора академии было увеличено с 200 до 300 рублей [Пекарский II, 200].

Служба содержит целый ряд отсылок к Апокалипсису. О том, что Феофилакт видел в апокалиптической тематике своего сочинения именно возвращение к идеям, разработанным в азовский период, свидетельствует другое издание, также составленное в стенах Московской академии по случаю Полтавской победы — «Политиколепная апофеозиз» (описание триумфальных ворот, построенных в Москве в декабре 1709 г.). Феофилакт принимал непосредственное участие в его подготовке. На фронтисписе этого издания было помещено изображение всадника в латах и дракона, исполненное Михаилом Карновским [Быкова, Гуревич, 96] (рис. 5). Гравер точно скопировал левую часть фронтисписа Киево-Печерского патерика 1702 г. работы Тарасевича, развернув лишь фигуру льва таким образом, чтобы и змей, и лев оказались под копытами коня¹². Лев и змей получают теперь новое значение: на гравюре они представляют Карла и Мазепу.

Полтавская служба, составленная Феофилактом Лопатинским, строится по типу праздничного богослужения и состоит из малой вечерни, великой вечерни и утрени. Малая вечерня Полтавской службы является своего рода вступлением к «благодарственной песни», то есть великой вечерне и утрени. Эта

первая часть службы посвящена вопросу о том, какое благодарение принести Богу, владеющему всем и «не требующему наших благ». Вторая часть службы (великая вечерня) включает в себя чтения из священных книг (избранные главы из Исхода, Левита и пророчества Софонии), а также литию. В состав утрени входят благодарственный канон, чтение из Евангелия (фрагменты Евангелий от Матфея и Луки) и чтение 8-го псалма. Если великая вечерня посвящена прославлению собственно победы и построена преимущественно вокруг темы «Исхода», то утрени — изображению побежденных врагов, Карла XII и Мазепы. Именно в этой последней части службы Феофилакт обращается к Апокалипсису.

Утрени начинается с рассуждения о «лжехристианстве» (протестантизме) еретика Карла, Феофилакт называет его «враг креста святого» и «божественных икон борец и посмеятель». Несколько ниже к этим обвинениям присоединено и указание на то, что еретик Карл не почитает Богородицу.

Победу над Карлом-лжехристианином Феофилакт описывает, обращаясь к «Апокалипсису»:

Явися иногда змий велик чермн на небеси, егоже хобот оторже третью часть звезд небесных: ста Михаил противу ему во брани со аггелы своими, и не возможе змий, и аггели его, и место не обретесе их к тому на небеси, и возвеселишася о сем небеса и вси живушии на небеси: явися ныне на землю лев свейский, вышше человек о себе помышляя, и к своему зломыслию многую часть земных привлече, ста противу ему Богом хранимый царь российский, и сотре его, вся воя его, возвеселися о сем земле, и вси православнии живушии на ней, ныне бо спасение и сила и область Христа Его, яко низложен бысть клеветник братии нашея и уничижен уничижаяя нас.

В этом отрывке Феофилакт использует, как мы видим, целый ряд стихов из «Апокалипсиса» (12, 3–12): «И явися ино знамение на небеси: и се, змий велик чермен»; «и хобот его отторже третью часть звезд небесных»; «И бысть брань на небеси: Михаил и аггели его брань сотвориша со змием» (который есть «змий великий, змий древний, нарицаемый диавол и сатана»); «Низложен бысть клеветник братии нашея»; «Сего ради весе-

литесь, небеса и живущии на них. Горе живущим на земли и мори, яко сниде диавол к вам» (Отк. 12, 12). Перефразируя слова Апокалипсиса, Феофилакт призывает землю не печалиться, а возвеселиться, как возвеселились небеса: «дьявол», свергнутый с небес Михаилом, побежден на земле православным царем Петром I.

Если Карл выступает в тексте службы как «дьявол», то его сторонники оказываются охарактеризованы как «аггелы его». Им противопоставлены те, кто не поддался на прелесть «диавола» и остался верен русскому царю, — «земные аггелы». «Да восхвалятся, — пишет Феофилакт, — земнии аггелы, не прилепившиеся диаволу крамольнику, да почтутся якоже аггелы не согласившиеся со вторым Иудою Мазепою».

Гетман Мазепа, в полном соответствии со сложившейся в конце 1708 – первой половине 1709 гг. традицией, охарактеризован здесь как Иуда:

Кий тя образ Иудо предателя спасу содела, еда от лика апостольска тя разлучи, еда дарования неисцелений лиши, еда со инеми вечеряв, тебе от трапезе отлучи, еда иных ноги умыв, твои же презре; еда пречистаго тела Своего и животворныя крове не сотвори причастника; еда царствия Своего не обеща наследия; о коликих благ непамятлив еси и не благодарен! Кто безумию твоему предиде образом и обретеся второй Иуда.

Следует, однако, учитывать, что Иуду со сребрениками в руках изображали на иконах «Апокалипсис» сидящим в аду на коленях у сатаны. Примером может служить роспись западной стены Архангельского собора Кремля, выполненная Яковом Казанцем и Степаном Резанцем в 1666 г. [Брюсова, 33, 36; цв. илл. 11]. Наименование Мазепы Иудой вполне вписывается в апокалиптическую тематику службы.

В благодарственном каноне Феофилакт вновь обращается к Апокалипсису, но в этой части службы он цитирует стихи, которые описывают конечное торжество Всевышнего (а в контексте службы — безусловную победу Петра над Карлом): «Четырех животных окрест престола Божия стоящих, возгласим песнь»; «Двадесять и четырем старейшинам подражающе, падем пред седящем на престоле» (Отк. 19, 4).

Кроме того, Феофилакт подробно разрабатывает тему непочитания и прямого оскорбления Богородицы шведами, что в контексте апокалиптических отсылок может быть понято как преследование Жены змеем-сатаной. В утрене полтавской службы богородичны следуют за фрагментами, говорящими о врагах, при этом враги представлены как дикие звери, которых побеждает Богоматерь. Показателен, например, следующий эпизод: «Вознесен Христос на крест, уврачева от змия, и от льва свейскаго оугрызения <...> Владычеца челюсти их сокрушила еси».

Чтобы подчеркнуть, что «свейский лев» есть дьявол, Феофилакт использует слова 1-го послания апостола Петра (5, 8–9): «Петр апостолом верховным рече: супостат наш диавол аки лев <...> вниди бо во тело державы российския и с своим легионом, но ничтоже кроме рыкания сотвори и низложен бо и изгнан Господом нашим Иисусом Христом». Кроме того, отметим, что хромоту Карла Феофилакт описывает как хромоту еретика, преткнувшегося о камень (в службе это — камень веры, лежащий в основании церкви, и камень-Петр).

Антипротестантский пафос Полтавской службы на несколько лет «легализовал» тот круг идей, страстным поборником которых был местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский. Видимо, около этого времени Стефан начинает работу над своим знаменитым трактатом «Камень веры», направленным против протестантов. Аргументы, которые выбирает Стефан в полемике с протестантами, очень близки к тем, которые Феофилакт Лопатинский использовал в Полтавской службе. Феофилакт был единомышленником и последователем Стефана, вполне вероятно, что Стефан консультировал его при составлении Полтавской службы. Кроме того, оба автора, как можно полагать, черпали свои аргументы из одних и тех же зарубежных источников¹³.

Сочинение Стефана Яворского имеет, на первый взгляд, чисто богословский характер. Тем не менее, уже заглавие, выбранное Стефаном, не было нейтральным: мы видели, что со времени Азовских походов «Камнем» именовался царь Петр как победитель врагов православной церкви. Стефан, который

был хорошо знаком с Полтавской службой (к моменту окончания трактата в 1713 г. Стефан, если он сам не принимал участия в составлении службы, должен был присутствовать при ее исполнении или исполнять ее сам по крайней мере пять раз). Тем не менее Стефан не только не избегает использования тех библейских цитат, которые в службе получают совершенно определенное политическое значение, но, по-видимому, сознательно использует их в своем сочинении: для него Петр I, несмотря на те сложности, которые переживал местоблюститель патриаршего престола в отношениях с царем, остается самым могущественным защитником православия. Так, Стефан полагает, что Андреевский крест, который был избран Петром в качестве «кавалерской печати» для «избранных и свидетельствованных воинов», стал «сению», под которой царь одержал свои победы над внешними врагами. Под этой же «сению» Петр одержит победу и над врагами «невидимыми» (противниками почитания креста, Богородицы, икон и святых) [Камень веры, 229 об.–300].

Книга Стефана была готова к публикации в 1717 г. Около этого времени Стефан отослал ее для прочтения черниговскому епископу Антонию. По всей видимости сочинение Яворского быстро стало известно в кругу Антония. В том же 1717 г. Афанасий Заруцкий составил крайне интересный панегирический лист [Ровинский, № 598] (рис. 4), в котором тематика как Полтавской службы, так и «Камня веры», получила самое непосредственное отражение. На листе представлен Петр в латах, который держит на плечах огромную, занимающую большую часть листа, картину. Стоящий слева Алексей Петрович поддерживает картину двумя руками. По сторонам стоят маленькие царевичи Петр Петрович и Петр Алексеевич. Надпись поясняет: «Яко раменми Церковь Царь з сынми движает, власть церковну на рамах своих утверждает», «Алексий Царский сын Церковь воздвигает, *Петру Камню веры* отцу подражает». Как мы видим, название богословского труда Стефана здесь прямо истолковано как указание на главного защитника православия и победителя еретиков-шведов Петра I. На картине, которую держит Петр, символически представле-

на Церковь: трехглавый храм, а в нем, помещенные в медальонах, пророки и святые.

Под ногами Петра и царевичей помещены три изображения змея. Слева он изображен испускающим поток воды — «с еретики на Церковь яд свой изблевав» (в тот момент, когда он уже низвергнут архангелом Михаилом с небес и хочет потопить Жену) (Отк. 12). Сама апокалиптическая Жена-Богоматерь на груди орла помещена прямо над головой Петра. Несколько правее изображена пасть змея, в которой видны две фигуры: это, как можно полагать, следующий этап апокалиптической битвы, когда нечистые духи выходят «из уст змия и из уст зверя и из уст лжаго пророка», чтобы собраться к Армагеддону и сразиться там с небесными силами (Отк. 16, 13–19). Еще левее помещен поверженный змей, над ним стоит воин с агнцем в одной руке и жезлом в другой. Рядом лежит обезглавленное тело. По всей видимости, это — картина полного поражения сатаны, за которым последует его тысячелетнее заключение, а обезглавленное тело представляет души «растесанных», которые должны воскреснуть и обрести тысячелетнее блаженство (Отк. 20, 4). Почти наверняка каждый из этапов борьбы с силами ада знаменует на листе Афанасия конкретные события, подписи, однако, не указывают на них с достаточной ясностью.

Справа от Петра фигура Иоанна Богослова, она немного выдвинута вперед, Иоанн смотрит на Петра с Алексеем и указывает им на змея. Надпись гласит: «Богослов от *ереси* целу назидает, евангелием в мире Церковь утверждает». Образы видения Иоанна Богослова (их список можно продолжить) представлены здесь как свидетельства того, что в борьбе со шведами Петр призван победить врагов православной церкви, изложить «хулящих крестную силу силою креста Христова боготорния языки».

Первое издание «Камня веры» появилось лишь в 1728 г. За первым изданием последовали еще два (1729 и 1730 гг.). При Анне Иоанновне продажа этой книги была запрещена, ее издатель Феофилакт Лопатинский, известный уже нам как автор

Полтавской службы, арестован, лишен сана и заключен в Выборгскую крепость [Карташев, 414–415].

Похожей была и судьба Полтавской службы. Служба, которая была составлена для ежегодного церковного «вспоминания» победы, исполнялась, по крайней мере, до 1723 г. «Служба, — указывает П. П. Пекарский, — печаталась <...> в месячных Минеях 1711 и 1717 годов, но в издании их 1724 года не помещена, потому — должно думать — что Петр намеревался около того времени изменить и переправить редакцию текста» [Пекарский II, 200].

Первые изменения, однако, были внесены в текст службы намного ранее, в 1711 г., когда служба редактировалась для включения ее в Минеи. Анализ соотношения разных редакций службы требует самостоятельного исследования. Однако уже при простом сопоставлении можно заметить, что ряд отрывков, в том числе и те, где Феофилакт Лопатинский обращался непосредственно к тексту Апокалипсиса или варьировал темы, с ним соотнесенные в службе (например, тему Вавилона), были сокращены или вовсе исключены. Так, эпизод борьбы архангела Михаила со змеем был сокращен почти вдвое, фрагмент, посвященный Мазепе-Иуде, редуцирован до слов «обретется ныне последующий зле предидущему Иуде, обретется второй Иуда, раб и льстец, диавол нравом». Эта характеристика не только значительно сокращена, но и полностью сведена к уподоблению Мазепы Иуде не по природе и ожидающей его каре, а по «нраву». Кроме того, снят целый ряд эпизодов, где шведы характеризовались как еретики.

В 1723 г. служба вновь подверглась редакторской правке, но, по-видимому, правка не была доведена до конца: в Минею 1724 г. служба так включена и не была. Сохранился экземпляр, где уже имеются некоторые поправки, сделанные Гавриилом Бужинским, поверх которых находится правка Петра [Пекарский II, 200–201; Быкова, Гуревич, 167]. Правка царя показывает, что его по-прежнему не устраивал антипротестантский пафос службы. Так, например, царь сделал приписку: «Переменить, понеже бо не идет о законе, а горда была (Швеция):

война не о вере, но о мере; також и у них (шведов) крест <...> есть во употреблении и почитании» [Пекарский II, 201].

В 1736 г. Синоду поручено было рассмотреть всю службу и исключить из нее «находящиеся там к стороне свейской речения», а до выполнения этого отправлять только благодарственный молебен в день победы, что и было оставлено, так как исключения делать не нашли возможным по той причине, что служба вся наполнена выходками против шведов. В 1740 г., однако, состоялось повеление службу сочинить вновь и напечатать особо. Тогдашний конционатор Арсений Матеевич, сделав в первоначальной редакции некоторые исправления, объявил, что, «более прежних изображенных в службе слов к выключению назначивать не смел, дабы истории не потерять». Синод потому признал, что службу исправлять неудобно, и назначил, чтобы в день полтавской битвы отправлялся только обыкновенный, благодарственный молебен [Пекарский II, 202].

С началом Елизаветинского царствования и Полтавская служба, и «Камень веры» получают новое звучание. В манифестах о восшествии на престол Елизаветы обвиняла Миниха и Остермана в том, что они, утаив завещание Екатерины I, препятствовали ее восшествию на престол, действовали во вред России и преследовали православную церковь [ПСЗРИ XI, № 8476].

Особый статус Полтавской службы в начале нового царствования был, во-первых, определен тем, что Полтавская служба была направлена против протестантов. Протестантами же были главные враги и гонители Елизаветы Петровны. Во-вторых, служба была посвящена главной военной победе Петра Великого, то есть представляла традицию, восстановление которой должно было стать, как свидетельствовали заявления новой императрицы, главной целью ее деятельности. Наконец, автор службы Феофилакт Лопатинский, бывший при Петре всего лишь одним из многих проповедников и церковных деятелей, становится к началу правления Елизаветы Петровны самым авторитетным защитником православия в России, пострадавшим от тех же лиц, которые всеми силами препятствовали законному воцарению дочери Петра. Перед самой смер-

тью Феофилакт, только что освобожденный из крепости, фактически благославил Елизавету на царство, произнеся слова «Ты — искра Петра Великого» [Карташев, 420–421]. Феофилакт, таким образом, был для современников переворота 1741 г. не только мучеником, пострадавшим от протестантов, но и хранителем петровских традиций, одним из немногих явных сторонников Елизаветы еще до ее восшествия на престол.

Еще до вступления Елизаветы на престол была начата работа по подготовке нового издания служебной Миней. Минея была напечатана в 1741 г. с указанием «Минея месячная начата тиснением при державе блаженныя и вечнодостойныя памяти великия государыни наша Императрицы Анны Иоанновны: а окончана тиснением при благополучном владении благочестивейшая самодержавнейшая великия государыни наша Императрицы Елизаветы Петровны». То есть Минея была издана сразу по вступлении на престол Елизаветы, между 25 ноября и 31 декабря 1741 г. В состав ее вновь была включена Полтавская служба в редакции 1711 г.

Спешное издание Миней с текстом Полтавской службы было, очевидно, одним из пунктов идеологической программы Елизаветы. Эту программу императрица четко формулирует уже в первые дни правления при посещении Синода. Об этом посещении мы знаем со слов главы Синода Амвросия Юшкевича. «Как скоро, — вспоминал Амвросий в проповеди, произнесенной на коронавание Елизаветы, — на престол всероссийский вступила, так того ж времени Синоду доброе свое и суще императорское намерение объявить изволила: надобно нам начинать с Богом и от Бога» [Амвросий 1742]. Тогда же Елизавета сняла запрет на «Камень веры». 29 января 1742 г. в «Санктпетербургских ведомостях» появилось объявление: «Печатанныя в Москве книги «Камень веры» в переплете и без переплету проданы быть имеют в канцелярии <...> Синода по прежде положенной цене: того ради ежели кто сколько из оных книг купить пожелает, то явились в помянутой канцелярии» [Ведомости, 70].

Авторы панегирических слов придавали снятию запрета на «Камень веры» исключительное значение.

Колодников, —

указывает Маркелл Радышевский, —

не людей же, но и книги в темнице глубокой заключенныя, и многое время сидевшия тамо, злобою злых ненавистников запечатанныя, мозги их и челюсти и зломудрствования их сокрушающыя крепко, еже есть книги Камень веры нареченныя, на вечное разорение злочестивых, во свет известъ благоволила и развязала [Маркелл, 6].

Об этом же говорит Амвросий Юшкевич:

У нас не токмо учителей, но и учения и книги их вязали, ковали и в темницы затворяли <...>, готовые книги во тме заключили, а другие сочинять под смертною казнию запретили.

Но Елизавета «книгу Камень веры во тме неведения заключенную на свет произвестъ и освободить повелела» [Амвросий, 1742]. Еще в 1744 г. тема эта оставалась актуальной: во время паломничества Елизаветы в Киев, монахи Киево-Печерской лавры поднести ей в подарок «Камень веры» [Ас-коченский, 99].

Ряд жестов императрицы свидетельствует о том, что Елизавета стремилась противопоставить свою набожность не просто пренебрежительному отношению к церкви в предшествующее царствование, но тому протестантскому духу, который царил при дворе. 18 декабря 1741 г. состоялось первое официальное торжество нового царствования: праздновался день рождения Елизаветы Петровны. Маркелл Радышевский в своем панегирическом слове писал, что во время торжеств Елизавета

егда в первый раз взошла на место, еже по чину монаршескому снести обед, снести и хлеб, увидела богодухновенным и православным внутренним и внешним оком, что *нет на месте том, идеже сести ей подобает, иконы святой* <...> и велела принести и на честнейшем месте поставити святую *Богоматерь со младенцем* превечным икону, и *не смотря на иностранныя обыкновения, призвать повелела начальнейших синодальных архиереев, и благославить трапезу* <...>. Она же благочестивейшая монархиня, знаменовавши себе крестным знаменем, пред святою оною

иконою, начат царския своя, и то постныя вкушати снеди [Маркелл 1742, 7].

Этот жест императрицы должен был подчеркнуть, что ее предшественница не слишком заботилась о почитании икон, тем более Богородицы, молитвы к которой протестанты считают суеверием.

Тема почитания икон появляется и в рисунках на триумфальных воротах, построенных для коронационных торжеств от Синода. Здесь Елизавета была представлена в образе царицы Елены, которая вносит в храм иконы Спасителя и Богородицы [Материалы, 815]. Это изображение должно было, среди прочего, указывать, что Елизавета «возвращает» иконы в храмы и этим уничтожает протестантский дух, распространившийся в России при Анне.

Уже в первых панегириках нового царствования можно заметить влияние Полтавской службы и «Камня веры». Одновременно, через посредство службы и «освобожденного» теперь «Камня веры», в официальный быт начала елизаветинского правления возвращается и апокалиптическая образность.

В день рождения императрицы 18 декабря 1741 г. в Петербурге панегирическую проповедь в присутствии императрицы произнес Амвросий Юшкевич. Наряду с рассказом о восшествии на престол и похвалой Елизавете, в проповеди помещены пространные характеристики врагов императрицы. Враги-протестанты представлены здесь как разрушители православия, которые намеревались «вовся в России истребить священство православное и завести свою нововымышленную безповщину» [Амвросий 1741, 13].

Следуя Полтавской службе и «Камню веры», Амвросий описывает врагов императрицы как адские силы. «Что Бог вечный определил непременно своими судьбами, — указывает он, — того никто, ни самый ад, со всеми крайними своими силами, не мог и не может переменить» [Амвросий 1741, 7]. Амвросий пишет, что «начальник» врагов императрицы есть «дьявол», что «дьявол дал им придумать хитрость», а сами враги — «сатанинской верности» [Амвросий 1741, 10–15]. В своем коронационном слове Амвросий прямо сопоставит со-

бытия восшествия Елизаветы на престол с сюжетом 12-й главы Апокалипсиса: «Ныне бысть спасение и сила и царство Бога нашего и область Христа Его, яко низложен бысть сатана и все аггели его с ним» [Амвросий, 1742].

Значительно откровеннее и однозначнее характеризует врагов императрицы Кирилл Флоринский, преемник Феофилакта Лопатинского на посту ректора Московской академии. Кирилл составил свое панегирическое слово по тому же поводу, что и Амвросий, на день рождения императрицы. Местом произнесения был Успенский собор Кремля, но слово было напечатано в Петербурге уже в 1741 г. (к 18 декабря, то есть еще до произнесения).

Уже в начале слова четко определена основная тема — торжество православия в России, которое не смогли разрушить еретики-протестанты Миних и Остерман. Кирилл называет их служителями «идола (зане иконы священные идолами нарицают, и о них так писал) Калвина и златаго тела лютера Мартина» [Кирилл, 8].

Всевышний, пишет Кирилл, «созда храмину свою на камени, и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветры, и навадоша на храмину ту, и не падеся» (камнем Кирилл называет Петра I) [Кирилл, 7]. Уже эти слова, отсылающие к евангельской цитате (Матф., 16, 18), ставят проповедь Кирилла в контекст интересующей нас традиции. Феофилакт Лопатинский использует эту же цитату в Полтавской службе: «Благодарим Тя Христе Боже наш, яко на камени основал еси церковь Твою, и не падеся ветром и волнением нашедшим, и врата адова еретическая силы не одолеша ей». Камнем здесь, без сомнения, также назван царь. И именно эту, уже связанную для современников с «царской» тематикой цитату, использует Стефан Яворский в «Камне веры»: «Церковь бо Христова на Христе, аки на камени утверждается <...> яко ни ветром, ни волнам, но ниже самым вратам адовым одолети ей» [Камень веры, 39].

Кирилл строит свое Слово вокруг евангельской притчи о сеятеле (Мтф., 13). Этот сюжет уже был подробно разработан в рамках интересующей нас традиции. Так, Стефан Яворский

неоднократно говорит о том, что проповедь протестантов, обращенная не к язычникам, а к христианам, есть насевание плевелов посреди пшеницы [Камень веры, 25 об.–26, 1073 об. и др.]. Кирилл напоминает слушателям евангельские слова: «Господи недоброе ли семя сеял на селе твоём, откуда убо имать плевелы <...> враг всеяный их дьявол». От них он переходит к «истории о насеянных плевелах в России». Плевелы в России — «правоверия ругатели, благочестия вскорененного в России от многосотных лет растлители и истлители» их «Остерман начаждал, Миних напоял» [Кирилл, 11, 18]. Первого из них Кирилл называет «дьявол, который до днешних дней» скрывал завещание Екатерины Алексеевны. При Анне «влезли в Россию <...> эмиссарии дьявольские», которые обрели здесь богатство, славу и честь («сия бо им обетова сатана») [Кирилл, 18].

Наконец, о победе над «хитростью дьявольской», «умышлением сатанинским» и «махивельством адским» говорит в своем слове на Рождество 1741 г. Маркелл Радышевский. Своих слушателей он призывает радоваться победе «со всеми народами в Апокалипсисе виденными» [Маркелл 1741, 9, 12].

Авторы панегирических слов непременно говорили о гонениях, которым подвергалась церковь и ее служители, когда у власти были Миних и Остерман, и во многих случаях подробно останавливались на обидах, которые протестанты нанесли Богоматери. Сюжет этот в словах выстраивается параллельно сюжету о гонениях и притеснениях, которые перенесла Елизавета Петровна до восшествия на престол. Однако прямые уподобления Елизаветы апокалиптической Жене (и через нее Богоматери) в словах 1741 – начала 1742 гг. отсутствуют¹⁴: авторы панегирических слов начала елизаветинского царствования, не в пример сторонникам Софьи Алексеевны, с большой осторожностью толковали образы и сюжеты Апокалипсиса применительно к политическому быту.

Ода, уподобления в которой намного более условны, чем в похвальном слове, давала панегиристу значительно больше свободы.

В феврале 1742 г. в своей первой оде, посвященной Елизавете Петровне, Ломоносов рассказывает о своем «видении»:

*Я Деву в солнце зрю стоящу,
Рукою Отрока держащу
И купно всю Россию с Ним.
Украшенна везде звездами <...>
Разит перуном вниз своим,
Гоня противности с бедами.
И вечность предстоит пред Нею,
И в книге кажет то своей,
Клянущись небом и землею,
Что после первых света дней
Такого счастья не бывало,
Что нам чрез Тую небо дало [Ломоносов, 66].*

Этот отрывок содержит ряд достаточно прозрачных отсылок к Апокалипсису: «Видение» Ломоносова¹⁵ о будущем России спроецировано на видение Иоанна Богослова. Ломоносов видит апокалиптическую Жену («облечена в солнце», «на главе Ея венец от звезд», «роди сына мужеска, иже имать упасти вся языки») (Отк. 12, 1–5); перед Женой ангел «имеяше в руке своей книгу разгибену <...> и клялся живущим во веки веков, иже созда небо и яже на нем, и землю и яже на ней, и море и яже в нем, яко лета уже не будет» (Отк. 10, 1–2, 6).

Для того, чтобы приспособить фрагмент из Апокалипсиса к событиям конца 1741 – начала 1742 гг., Ломоносов внес в исходный сюжет ряд изменений. Во-первых, он назвал апокалиптическую Жену «Девой». Такое замещение давало Ломоносову возможность использовать этот образ при описании новой императрицы: незамужнюю Елизавету неприлично было называть «Женой» (младенец, соответственно, замещен «отроком» — племянником Елизаветы Петровны). Во-вторых, пророчество о конце времен («лета уже не будет») Ломоносов заменил клятвой Вечности о том, что небо дало россиянам счастье, какого «после первых света дней» не бывало.

Таким образом, Ломоносов сопоставляет в своей оде девицу Елизавету Петровну, которая привезла в Россию, чтобы объявить наследником престола, своего 14-летнего племянни-

ка, с апокалиптической Женой, родившей младенца мужского пола, и, одновременно, с Богородицей, держащей на руках младенца Христа¹⁶.

Обстоятельства начала царствования Елизаветы Петровны позволяли использовать образ апокалиптической Жены во всех значениях, которые были известны русской официальной культуре к 1742 г. Во-первых, в облике апокалиптической Жены Елизавета предстала как премудрая правительница (какой должна была предстать Софья Алексеевна в политической гравюре своего времени). В самом начале оды Ломоносов, предваряя заключительное видение, пишет:

Дивится ныне вся вселенна
Премудрым Вышняго судьбам [Ломоносов, 59].

Во-вторых, Елизавета предстает как объект гонений шведов: война со Швецией продолжалась, о коварных планах шведов напоминала вновь изданная служба Полтавской победе, и видение Ломоносова предрекало победу над врагами. Наконец, уподобление апокалиптической Жене представляло Елизавету как жертву гонений, а потом победительницу внутренних врагов-протестантов. Все эти темы, которые варьировала панегирическая литература начала царствования, представлены в видении Ломоносова образом апокалиптической «Девы в солнце».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отметим сразу же, что интересующий нас тип изображения Софии — Премудрости Божией было принято использовать в богословской полемике с противниками почитания Богоматери, в первую очередь против протестантов. Так, Л. Тарасевич изобразил Богоматерь в виде апокалиптической Жены на своей гравюре 1689 г., которая была призвана иллюстрировать теологический труд виленского богослова Рафаэля-Михайла Олехновича “Theses Mariae po philosophicae”. На гравюре Тарасевича Богоматерь изображена стоящей на полумесяце в лучах солнца, под ногами ее архангел Михаил побивает крылатого змея, а на земле собрались полчища еретиков, изображенных в виде монстров с головами и

конечностями птиц и животных, «воюющих» Богоматерь [Степовик, 105, 107].

- ² В «Великих Минях Четых» толкование Андрея Кесарийского помещалось под 26 сентября [ВЧМ].
- ³ Ровинский ошибочно полагал, что гравюра относится к 1682 г. и посвящена Софье Алексеевне [Ровинский, № 173].
- ⁴ По мнению Д. А. Ровинского, всадник «есть не кто иной, как кн. Василий Васильевич Голицын, поражающий крымских татар» [Ровинский, 1938], А. П. Богданов считает, что это Г. Г. Ромодановский [Богданов, 231].
- ⁵ Как указывает А. П. Богданов, «библейские тексты, связывавшиеся в иконографических толкованиях второй половины XVII в. с каноном Софии — Премудрости Божией, были интерпретированы С. Медведевым в пользу царевны Софьи уже летом 1682 г.» [Богданов, 232–233; Богданов 2001, 254].
- ⁶ Семен Недеин показал, что гравюра была вырезана на двух досках.

На первой в начале Отец и Сын и Святой Дух, а ниже того персоны великих государей царей и великих князей. Иоанна Алексеевича. Петра Алексеевича, всея Великия и малыя и Белыя России самодержцев, и сестры их великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны, а ниже того персоны ж многих людей, а чьи — не подписано; а на другой доске: человек на лошади. а другой с заступом, и иные персоны. А на низу написано: тщанием Данила да Якова Ивановых детей Перекрестов.

Иван Пересветов сообщил, что «получил повеление от государей после Крымского похода быть к Москве. «И велено перед ними великими государи говорить рацею. И дети его перед ними великими государи рацею говорили». Федор Шакловитый

велел им изготовить ей великой государыне рацею. И они де после того дни с четыре или болши ей великой государыне благоверной царевне о поздравлении рацею изготовили; и с тою рацею, по докладу великим государем Федки Шакловитого, думный дьяк Василей Семенов ставил их к великой государыне к руке. И после того Шакловитый говорил учителю Ивану Богдановскому, который учил детей его Ивановых, чтоб он написал книгу и лист к похвале великой государыне <...> она де великая государыня бунт утешила. и монастыри строит, и к людям милостлива и премудра.

К этой книге была приложена гравюра:

на тех досках персоны великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича <...> и сестры их великой

государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны, и над их государскими персонами написано было отечество; а над персоною ж ее великия государыни изливание семь даров Духа Святого. Да на той же доске, ниже того, вырезано было, признавая кратному строю, князь Василей Голицын на лошади, да бывшей гетман Иван Самойлович [Розыскные дела 655–657, 660–661].

⁷ Сравнение царевны Софии с Софией Премудростию Божией можно найти в целом ряде панегириков 1682–1689 гг. Специально этой теме посвятил свое «Свидетельство ко образу святых неизреченных Софии-Премудрости Слова Божия о Российском благословенном царствии» иеромонах Московского Новоспасского монастыря Игнатий. Игнатий, однако, построил свое «Свидетельство» как толкование сюжета иконы Софии Премудрости новгородской, а не интересующей нас киевской редакции [Богданов 2001, 239–242].

⁸ *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 29–41.

⁹ Бог Отец в самом верху композиции изображен с масличной ветвью, на радуге под ним надпись «Знамение множества мира»; по сторонам от него еще две надписи: «Господь благословит люди своя миром» и «На земле мир, в человецех благоволение». Святой дух, изображенный в виде голубя, парит под надписью: «Мир мой даю вам»; по сторонам от него: «Благодать и мир да умножится им» и «Да будет мир мног любящему закон Твой». Ниже, по сторонам от фигуры Богоматери, надписи: «Благодарю Господи о неисповедимом даре Его» и «Благодарение Богородице Марии о дарованном нам мире». Наконец, над фигурами всадника и Петра помещены масличные ветви, перевитые лентами, с надписями: «Буди мир в силе Твоей» и «В мире воздержете руки ваши и благословите Господа».

¹⁰ Царь неба и рая землю миром ограждает,
И знамение мирное сему представляет,
Знамение же сие ветвь райскаго сада
Радуга небесный знак и ограда священна

Петр святой и Алексей предстоят свидетель,
Глаголя: мир ти царю даде Вседержитель,
И Дух Свят мир той чрез ветвь масличну являет
С Отцем и Сын миром мир благословляет

Зрят мир той вечный главы орле разделенны,
Пречистою Девкою zde совокупленны

Миродательница бо себе избрала (мужа дивна)
А две крыле орла в сем возжелала

Глаголя: zde вселюся да живу во веки,
Аки в горнем селении со аггельски лики
Даны суть жене двои крыле орла великаго
И жена орлу в союз мир то zde до века

Орел како и когда юность обновляет.
Почтим кто разумеет да отвещевает,
Мирове зрим яве орла царска воскриленна
Дадеса Девкою и ся Сыном над змием победу прекрасну

Миротворцы предстоят от пещер святни
С миром за мир благодарят сий
Виде, яко над змием победу преславну
Внегда даст тако и надо львом победу равну

Яко сотрен змий и лев сие пораженный,
Будет Богородичен в руце загражденный;
Царь же благочестивый будет победитель
Всегда в недрах Матери Христос мирови Зиждитель.

¹¹ Этот жест Петра, как можно полагать, должен был быть повторением жеста Моисея в битве против Амалика (Исход, 17). Этот сюжет был использован Гавриилом Бужинским в его слове, посвященном пятой годовщине победы при Гангуте [Панегирическая литература, 223–224; Погосян, 269–270].

¹² В самом описании можно обнаружить целый ряд эпизодов, близких к Полтавской службе.

¹³ Источники «Камня веры» всесторонне изучены И. Моревым [Морев].

¹⁴ Более или менее отчетливыми такие уподобления становятся в похвальных словах коронационного цикла к апрелю 1742 г. [Сморжевских].

¹⁵ Ода обращена императрице от имени «всеподданейшего раба Михайла Ломоносова».

¹⁶ Такое понимание приведенного отрывка, как можно полагать, не казалось комментаторам Ломоносова возможным: они обходили его молчанием [Солосин, 249; Ломоносов, 890; Ломоносов 1986, 501 и др.]. Е. Лебедев, автор одной из последних монографий, посвященных творчеству Ломоносова, предлагает прочтение, которое не учитывает названный выше контекст: «В февральской оде 1742 года Елизавета в солнечных лучах всемирной славы показывает юному Петру Федоровичу необъятное пространство “стран полных”, которые ему предстоит, унаследовав, украсить. “От-

верзлась дверь” в будущее, и сердце обмирает от радостной и мирной (войну со шведами надо кончать!) картины всенародного счастья и покоя» [Лебедев, 125].

ЛИТЕРАТУРА

- Амвросий 1741: Слово в высокаторжественный день рождения <...> императрицы Елизаветы Петровны всея России декабря 18 дня, 1741 года, проповеданное Амвросием архиепископом Новгородским в Санктпетербургской церкви ея величества. СПб., 1741.
- Амвросий 1742: Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования <...> Елисавет Петровны. СПб., 1744.
- Антонова, Мнева: *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. М., 1963. Т. 2.
- Аскоченский: *Аскоченский В.* Киев с древнейшим его училищем Академиею. Киев, 1856. Ч. 2.
- Богданов 1982: *Богданов А. П.* Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982. С. 225–246.
- Богданов 2001: *Богданов А. П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001.
- Борин: *Борин В.* Два памятника иконографии XVII и XVIII в.: икона Азовской Богоматери и прописи к ней // Светильник. 1914. № 8. С. 3–12.
- Брюсова: *Брюсова В. Г.* Русская живопись XVII века. М., 1984.
- Быкова, Гуревич: *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. М.; Л., 1955.
- Ведомости: Санктпетербургские ведомости. СПб., 1742.
- ВМЧ: Великие Минеи Четьи митрополита Макария от 26 сентября. СПб., 1897.
- Камень веры: [Стефан Яворский]. Камень веры православным церкви святой сынам на утверждение и духовное созидание, претыкающимся же о камень претыкания и соблазна на восстание и исправление. М., 1728.
- Каратаев: *Каратаев И.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кириллическими буквами: 1491–1730. СПб., 1861.
- Карташев: *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 2.

- Кирилл: Слово в высокаторжественный день рождения <...> Елизаветы Первья императрицы всея России проповеданное архимандритом Иконоспасским Кириллом Флоринским в Успенском соборе в Москве 1741 года декабря 18 дня. СПб., 1741.
- Кондаков 1915: *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2.
- Кондаков 1933: *Кондаков Н. П.* Русская икона. Прага, 1933. Т. 4.
- Лебедев: *Лебедев Е.* Ломоносов. М., 1990.
- Ломоносов: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 8.
- Ломоносов 1986: *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л., 1986.
- Маркелл 1741: Слово в день рожества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в Санктпетербургской придворной церкви <...> императрицы Елисаветы Петровны всея России проповеданное декабря 26 дня 1741 года Маркеллом архимандритом Новгородского Юрьевского монастыря, который ныне епископом Карельским. СПб., 1741.
- Маркелл 1742: Слово при присутствии ЕИВ в домовая ЕИВ церкви проповеданное Маркеллом епископом Корельским и Ладожским 1742 года марта 28 дня. СПб., 1742.
- Материалы: Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1889. Т. 5.
- Морев: *Морев И.* «Камень веры» митрополита Стефана Яворского, его место среди отечественных противопротестантских сочинений. Характеристические особенности его догматических воззрений. СПб., 1904.
- Панегирическая литература: Панегирическая литература петровского времени. Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.) / Сост. В. П. Гребенюк. М., 1979.
- ПБПВ: Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; М., 1887–1977.
- Пекарский: *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2.
- Погосян: *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.
- ПСЗРИ: Полное собрание законов Российской империи. Серия I. СПб., 1830. Т. 3–4.
- Пьесы школьных театров: Пьесы школьных театров Москвы. Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.). М., 1974.
- Ровинский: *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888. Т. 3.

- Розыскные дела: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археографической комиссии. СПб., 1884. Т. 1.
- Срезневский: Срезневский В.И. Отчет о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии // ИОРЯС. СПб. 1903. Вып. 8. Кн. 2.
- Служба: Служба благодарственная, Богу в Троице святой славимому, о великой Богом дарованной победе <...> содеянной под Полтавою [М., 1709].
- Сморжевских: *Сморжевских М.* Богородичная топка в коронационных словах Амвросия Юшкевича (1742 г.). (В печати).
- Солосин: *Солосин И. И.* Отражения языка и образов Св. Писания и книг богослужбных в стихотворениях Ломоносова // Известия ОРЯЗ АН. 1913. Т. 18. Кн. 2. С. 238–293.
- Срезневский: *Срезневский В. И.* Отчет о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии // ИОРЯС. СПб., 1903. Вып. 8. Кн. 2. С. 240–242.
- Старинные знамена: Русские старинные знамена. Сост. Лукиана Яковлева. Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. М., 1865.
- Степовик: *Степовик Д. В.* Леонтий Тарасевич і українське мистецтво барокко. Киев, 1986.
- Толкование: Отца нашего Андрея архиепископа Кесарийского толкование на Апокалипсис. Киев, 1625.
- Филимонов: *Филимонов Г. Д.* София Премудрость Божия // Сборник Общества древнерусского искусства на 1873 г. М., 1874. № 1.
- Pylypiuk: *Pylypiuk N.* The Face of Wisdom in the Age of Mazer. (В печати).

«...БЕССМЫСЛЕННЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ» (Пушкин и Жермен де Сталь о фанатизме)

ЛАРИСА ВОЛЬПЕРТ

Среди политических мыслителей Европы Жермен де Сталь одна из первых заинтересовалась феноменом *фанатизма* и сделала попытку его научного описания. Она выступила своеобразным «первопроходцем», опередившим свое время и наметившим пути исследования проблемы, приобретшей в XX веке злободневную остроту. События первой половины трагического столетия (две мировые войны, Гитлер, Сталин) вызвали необходимость нового осмысления психологической категории «фанатизм». Коллизии «масса и власть», «общественное мнение и насилие», «человек и государство» приобрели первостепенную значимость.

В связи с осознанием важности индивидуальной свободы в двадцатом веке особый интерес вызывает проблема диалектики (*перерождения*) всякой революции. Мысль Камю в памфлете «Взбунтовавшийся человек» (А. Camus, “L’Homme révolté”, 1951) — в революционную эпоху *Прометей* фатально перерождается в *Цезаря* — уравнивала миф и историю: архетип героя, «несущего свет», неизбежно модифицировался, по мнению писателя, в архетип властителя, «несущего тьму». Один из самых влиятельных исследователей в XX в. массовой психологии Э. Канетти в глобальном труде «Масса и власть» (E. Canetti, “Masse und Macht”, 1959) отверг подобную диалектику: уже в первой человеческой стае правителем мог стать, на его взгляд, только вождь, «несущий гибель». По его убеждению, в каждой человеческой «стае» жаждущие власти правители изначально владели искусством завлечь племя в силовое поле страха и смерти.

В связи с интересом к массовой психологии (политический фанатизм — один из ее аспектов) в XIX и XX вв. особую значимость приобретает анализ этапов Французской революции, с которой социологи и историки связывают